

Глава 3

Вж-ж-ж — вж-ж-ж.

Телефон Чэн Муюня коротко завибрировал. Опустив взгляд, он увидел на экране новое сообщение от Юй Шаонина. Муюнь лишь мазнул по нему глазами и не удостоил ответом.

[Плохо, дело плохо! — занервничала Система. — А вдруг он и впрямь покажет фото Цинь Ли? Вам еще играть и играть по сценарию, нельзя выбывать раньше времени. Успокойте его немедленно!]

— Угу, — отозвался Чэн Муюнь, продолжая сохранять невозмутимость.

Чуть прищурившись, он наблюдал за тем, как Юй Шаонин бледнеет от злости, но стоит Цинь Ли бросить на него взгляд, как он тут же выдавливает из себя жалкое подобие улыбки. Это зрелище... доставляло истинное удовольствие.

Муюнь мысленно поинтересовался:

«Система, а тебе не кажется, что Юй Шаонин довольно забавный?»

[Не кажется] — Система, чувствуя себя вконец измотанной, уже начала готовиться к неизбежному провалу.

Юй Шаонин, видя, что Чэн Муюнь игнорирует его, впал в бешенство. Он уже готов был строчить новые угрозы, но побоялся, что Цинь Ли заметит его состояние. В тот момент, когда он всерьез задумался, не сбежать ли ему под предлогом уборной, над залом ожидания разнесся голос диктора:

[Рейс KY3547 из страны Y прибыл...]

Самолет Сун Цзинчэня приземлился.

Спустя пятнадцать минут в конце прохода показался человек — юноша, чей облик казался Цинь Ли одновременно и до боли знакомым, и пугающе чужим. Сун Цзинчэнь был одет в белоснежную рубашку и светлый джемпер — точь-в-точь как в тот день, когда много лет назад он покинул страну.

Чужим он казался потому, что они не виделись целую вечность. Узнав когда-то о неприятии Цзинчэнем однополых отношений, Цинь Ли заставил себя вытравить надежду, перестал следить за его жизнью и даже скрыл все его обновления в соцсетях.

Знакомым же — из-за Чэн Муюня. Мужчина не мог отрицать: когда он заключал контракт с ассистентом, то искал в нем лишь отражение, ускользящую тень Сун Цзинчэня.

Чэн Муюнь был сиротой, во время учебы в университете он брался за любую подработку, чтобы свести концы с концами. Цинь Ли платил, а юноша дарил ему эмоциональное утешение. Президент Цинь считал такую сделку честной, к тому же при подписании договора он ясно дал понять: это лишь деловой обмен.

Но всё изменил сам Муюнь. Став ассистентом в его компании, он шаг за шагом менялся, проявляя такую преданность, что даже Цинь Ли с его невысоким эмоциональным интеллектом осознал искренность чувств своего помощника. Чэн Муюнь перестал пользоваться картой, на которую поступали деньги, и вместо этого начал сам осыпать Цинь Ли подарками.

Расспросив окружающих, мужчина пришел к выводу, что Муюнь стремится перевести их отношения на новый уровень. Поколебавшись несколько дней, Цинь Ли так и не дал прямого ответа, но позволил ассистенту переехать к себе домой. Каждый раз, замечая перемену во взгляде Чэн Муюня, он ловил себя на мысли: пусть он и не испытывает к нему всепоглощающей любви, но провести с этим человеком остаток жизни вполне готов.

Однако внезапное возвращение Сун Цзинчэня застигло его врасплох. Цинь Ли и представить не мог, что их пути когда-нибудь снова пересекутся.

Сун Цзинчэнь остановился и мягко улыбнулся:

— Сяо Ли, Шаонин.

Он использовал те же ласковые прозвища, что и в юности, будто долгих лет разлуки никогда не существовало. Цинь Ли смотрел на него, не зная, что сказать. Когда тот уезжал, ему было всего семнадцать лет.

В первые годы после его отъезда Цинь Ли пытался искать встречи, но Цзинчэнь всегда находил повод для отказа: то он уезжал в другой город, то был слишком занят учебой. Со временем мужчина понял: это был вежливый, но твердый отказ. Возможно, друг почувствовал его «особый» интерес, а возможно, причина была в другом.

С тех пор Цинь Ли перестал навязываться. Даже если по делам он оказывался в стране У, он лишь формально спрашивал, не хочет ли тот увидеться. Получая отказ, он больше не задавал вопросов. Так и вышло, что они не видели лиц друг друга больше десяти лет.

Все молчали. Людской поток обтекал их, но в этом маленьком кругу воцарилась звенящая тишина. Атмосфера становилась всё более неловкой. Сун Цзинчэнь негромко рассмеялся — он вовсе не обиделся. Его мягкий характер помог быстро найти привычный тон общения.

— Что такое? Не узнал? Признаться, я и сам тебя едва признал. Сяо Ли, ты выглядишь...

Он замялся, словно подбирая слова для описания перемен.

Цинь Ли смотрел на него, и ему казалось, что он вернулся в то далекое лето. Его охватило странное оцепенение. К счастью, за годы управления компанией он привык скрывать эмоции — внешне он оставался всё таким же холодным и отстраненным.

Сун Цзинчэнь с некоторой тревогой спросил:

— Цинь Ли?

Юй Шаонин, почувствовав, что ситуация накаляется, вовремя вмешался:

— Ну как тебе? Небо и земля, верно? Наш Цинь Ли теперь выглядит как человек с большой буквы — настоящий триумф эволюции.

Сун Цзинчэнь улыбнулся, в его голосе зазвучали шуточные нотки:

— И впрямь не узнал. Я довольно долго наблюдал за вами издали, прежде чем окончательно убедился, что это вы.

Барьер, воздвигнутый годами разлуки, мгновенно рухнул. Цинь Ли сбросил маску высокомерия, являя ту мягкость, которую посторонним видеть не полагалось. Юй Шаонин, глядя на это, окончательно убедился: к Чэн Муюню президент не испытывает ровным счетом ничего. Ведь только в кругу старых друзей он становился прежним, и только ради Сун Цзинчэня на его лице расцветала такая теплая улыбка.

Чэн Муюнь, наблюдавший за этой сценой со стороны, не удержался от едких комментариев. Он мысленно клял оригинал за полное отсутствие логики.

По сценарию, Муюнь должен был тайно последовать за Цинь Ли в аэропорт, ощутить укол ревности и мертвой хваткой вцепиться в них, напросившись на дружескую вечеринку. Ревность должна была вспыхнуть в нем именно при виде необычного поведения президента — ассистент ведь никогда не видел, чтобы тот улыбался кому-то так нежно.

Но для Чэн Муюня, которого этот круг не принимал и за которым тянулся позорный шлейф «замены», такой поступок мог закончиться лишь одним. Унижением.

«Этот сюжет — форменный бред, — размышлял Муюнь. — Прекрасно знать, что тебя там видеть не хотят, и всё равно лезть на рожон»

[С точки зрения обычного человека, вы должны испытывать острую тревогу, — пояснила Система. — А под влиянием эмоций люди склонны совершать безрассудные поступки.]

Система сделала небольшую паузу и добавила:

[Согласно классификации на некоторых ресурсах, такой типаж сюжета называется «Гун-мразь и шоу-тряпка»]

— Тряпка? Знакомое слово, — Муюнь усмехнулся.

[Не думала, что вы знакомы с подобной литературой] — удивилась Система.

— За три года в мире наказания в роли подлизы я слышал это слово раз восемьдесят, если не сто. Сложно было не запомнить.

В том мире наказания Чэн Муюнь родился, что называется, с золотой ложкой во рту. Он был красив, обаятелен и до двадцати лет жил, не зная бед. Теперь он понимал: всё это было лишь подготовкой к контрасту последующих трех лет. Ведь младший господин Чэн, баловень судьбы, три года таскался за Сяо Ичуанем, не теряя надежды после бесчисленных отказов. Более того, у Сяо Ичуаня был его «белый лунный свет» — Мо Аньлань, который проигрывал Чэн Муюню по всем фронтам.

Такое поведение Муюня стало главным анекдотом в их кругах. Чэн Муюнь стал всем известным подлизой. В лицо сказать не решались, но за спиной то и дело называли его «тряпкой». Он тогда не обращал на это внимания — в его голове был только Сяо Ичуань. Теперь же, когда память вернулась, он не обижался. Напротив, он находил эти замечания вполне справедливыми.

«Знаешь, вспоминая сейчас отзывы тех людей о моем поведении, я нахожу в них ценный опыт»

[Опыт?!] — Система была в шоке.

— Опыт того, как быть подлизой. Разве Чэн Муюнь в этом мире не играет ту же роль для Цинь Ли? — Муюнь сощурился, глядя, как нежно президент улыбается Сун Цзинчэню. — Состояние «жалкого влюбленного» можно реконструировать по тем годам: та же боль, то же бессилие... и та же готовность унижаться.

Системе стало не по себе от того, с каким ледяным спокойствием он произносил эти слова. Она даже начала сомневаться, стоило ли доверять ему восстановление сюжета.

[Вам... вам сейчас больно?]

Чэн Муюнь тихо рассмеялся, и жутковатое ощущение, возникшее у Системы, мгновенно испарилось.

— Конечно, больно. Улыбка Цинь Ли причиняет мне почти физические страдания.

Система, решив, что наконец-то нащупала в нем крупицу человечности, с надеждой спросила:

[Вы ревнуете? Ревнуете из-за того, что он так добр к Сун Цзинчэню?]

— Нет. Просто он улыбается как последний дурак, и это совершенно не вяжется с тем безупречным образом, который я ему создал.

[...]

Система замолчала. Опять она попалась на ту же удочку, решив, что «божественному бамбуку» ведомы чувства.

[Хватит паясничать, возвращайтесь к сценарию]

— Будет исполнено. На меня можно положиться.

С этими словами Чэн Муюнь достал из сумки очки в серебряной оправе и надел их. В этом мире у него была легкая близорукость, но очки он носил только для работы.

[Зачем вам очки?] — не поняла Система.

— Как думаешь, какова вероятность того, что если я просто появлюсь перед ними, Юй Шаонин в ярости выложит те фото?

[Весьма велика]

— Именно поэтому мне нужен веский повод, — Муюнь поправил дужку очков. — Работа — лучший из них.

Система была готова согласиться, но тут же почувствовала подвох.

[Подождите! В сценарии Муюнь приходит туда из ревности, чтобы показать, кто здесь настоящий хозяин. А вы превращаете это в рабочий визит. Это не вызовет сбоя?]

— Не волнуйся, — уверенно отрезал Муюнь. — Я никогда не проигрываю.

Расстояние в десяток метров Муюнь преодолел быстро. Подойдя к троице, увлеченной беседой, он невозмутимо поздоровался:

— Президент Цинь. Директор Юй.

— Чэн Муюнь?! Ты что здесь забываешь?

Когда они обернулись, реакция каждого была уникальной. Сун Цзинчэнь выражал искреннее недоумение, Юй Шаонин — гнев, смешанный с испугом, а Цинь Ли...

Замешательство и вину.

Увидев Муюня, Цинь Ли инстинктивно покосился на стоявшего рядом Сун Цзинчэня, а затем быстро вернул взгляд к ассистенту. Цзинчэнь, казалось, ничего не заметил, Муюнь — тоже. И верно: нынешний Чэн Муюнь, особенно в этих очках, был совершенно не похож на Сун Цзинчэня.

Тот Муюнь, из-за которого Цинь Ли когда-то потерял дар речи, остался в прошлом. Университетский Муюнь любил джинсы и светлые тона, от него веяло юношеским задором и искренностью. Именно тогда он был поразительно похож на Цзинчэня.

Цинь Ли вспомнил, как юноша смотрел на него в те годы: в его глазах будто мерцали мириады звезд, упавших с небес. Даже такой сухарь, как президент Цинь, не мог не почувствовать пыла его сердца.

Но теперь перед ним стоял человек в темно-серых брюках и светло-серой рубашке, в очках, излучающий холодную рациональность. Даже при виде Сун Цзинчэня его лицо не дрогнуло — он выглядел как профессионал, не имеющий к своему боссу никаких личных претензий.

Просто ассистент. Без всяких подтекстов.

— Ассистент Чэн, в компании что-то случилось? — спросил Цинь Ли.

Это был их негласный код: когда Муюнь надевал очки, они говорили только о делах. Когда-то ассистент втайне от него устроился в компанию, и Цинь Ли, не терпевший смешения личного и рабочего, едва не разорвал их контракт. Муюнь неделю уговаривал его и в итоге добился этого соглашения. Все эти годы Чэн Муюнь безукоризненно следовал правилам. В очках он становился безупречным сотрудником.

— План проекта QX уже подан. Я его изучил, но некоторые пункты требуют вашего личного

подтверждения...

Повод был железным.

— Хорошо, обсудим в машине, — кивнул Цинь Ли.

Муюнь кивнул и перевел взгляд на Сун Цзинчэня:

— Господин Сун, здравствуйте.

Его тон был вежливым и совершенно официальным. Цзинчэнь, в свою очередь, с любопытством спросил:

— Вы меня знаете?

— Да, видел ваши фотографии.

— Верно, — вовремя вставил Юй Шаонин. — Ты и не представляешь, Цзинчэнь, фотографии, которые ты присылал из университета перед отъездом, до сих пор стоят у Цинь Ли дома.

Муюнь внутренне усмехнулся:

«Дома»

Взгляд Сун Цзинчэня потеплел, но он промолчал.

Когда они дошли до парковки, Цинь Ли и Сун Цзинчэнь первыми сели на заднее сиденье. Пользуясь тем, что они отвлечены, Юй Шаонин схватил Чэн Муюня за локоть и прошипел:

— Что ты задумал?

Муюнь с явным отвращением высвободил руку:

— Ты уверен, что хочешь обсуждать это прямо здесь?

Шаонин осекся, заметив, как опустилось заднее стекло автомобиля. Цинь Ли негромко спросил:

— В чем дело?

Юй Шаонин не хотел устраивать сцену на глазах у Цзинчэня, поэтому процедил:

— Ассистент Чэн, прошу вас.

Он указал на водительское место. Ассистент за рулем — что может быть естественнее?

— Мне нужно отчитаться перед президентом Цинем по срочному вопросу, — парировал Муюнь. — Может, директор Юй нас подвезет?

— Хорошо, — коротко бросил Цинь Ли.

Сцепив зубы, Шаонин рывком открыл водительскую дверь и сел в кресло. Чэн Муюнь, однако, не спешил садиться.

— Что на этот раз? — спросил Цинь Ли.

— Президент Цинь, отдел планирования ждет обратной связи. Будет лучше, если мы закончим обсуждение прямо в пути.

Он выразительно посмотрел на Сун Цзинчэня, сидевшего рядом с боссом. Цинь Ли на мгновение задумался, но натура трудоголика взяла верх.

— Цзинчэнь, не мог бы ты пересесть? Мне нужно обсудить кое-что по работе с ассистентом Чэном.

Сун Цзинчэнь мягко улыбнулся:

— Конечно, это я не подумал.

Он без тени недовольства пересел вперед, а чтобы не мешать обсуждению, предусмотрительно надел наушники с шумоподавлением.

Трогательная сцена воссоединения старых друзей неожиданно превратилась в сухую деловую встречу Цинь Ли и его помощника. Юй Шаонин с такой силой сжал руль, что на его руках вздулись вены. «Этот проходимец хитер как лис, — думал он. — Я обязан его вышвырнуть. И уж точно не позволю ему заявиться на вечеринку».

Спустя полчаса, когда деловая беседа начала затихать, Юй Шаонин притер машину к обочине.

— Ассистент Чэн, — обратился он к Муюню, — дальше у нас частная встреча, друзья уже заждались. Вам придется взять такси.

Чэн Муюнь обернулся к Цинь Ли и спросил в лоб:

— Президент Цинь, я вам еще понадобится?

Цинь Ли промолчал. Шаонин вклинился с раздражением:

— Тебе-то там что делать?

Муюнь даже не посмотрел в его сторону. Он лишь слегка опустил глаза, и его улыбка стала едва заметной:

— Это неудобно?

Сердце Цинь Ли тревожно екнуло. Неужели Муюнь что-то заподозрил? Не успел он открыть рот, как ассистент продолжил:

— Вы не видели друзей много лет, наверняка будете выпивать. Кто отвезет вас домой? Собираетесь вызывать постороннего водителя?

Он бил в цель. Цинь Ли под его многолетним влиянием стал крайне щепетил в бытовых вопросах. Он терпеть не мог, когда чужаки вторгались в его личное пространство. Машина, на которой они ехали, была его личной, а не служебной, и мысль о том, что за ее руль сядет случайный человек, была для Цинь Ли невыносима.

— Поедешь с нами, — отрывисто приказал он.

Юй Шаонин едва не вскрикнул от возмущения, но, помня о присутствии Сун Цзинчэня, вынужден был проглотить гнев. Если он устроит скандал сейчас, шансы Цинь Ли на воссоединение с «белым лунным светом» могут окончательно растаять.

Чэн Муюнь повернулся к Юй Шаонину с вежливой улыбкой:

— Директор Юй, мне сесть за руль?

— ...

Юй Шаонин лишь беззвучно открыл рот, после чего с крайне обреченным видом завел мотор и направил машину к месту сбора.

[Шкала сдвинулась! — восторженно воскликнула Система. — Но как? Вы же всё время говорили о работе! Где сцена ревности из оригинала? Что происходит?]

В сознании Муюня возникла шкала прогресса: [10%].

— Сцена ревности — это способ показать свою значимость перед Сун Цзинчэнем, — лениво пояснил Муюнь. — Сделать это через профессионализм ничуть не хуже.

[А как же Юй Шаонин? У него же на вас компромат, а он ведет себя как побитая собака и везет вас на вечеринку!]

— Психология. Присутствие Сун Цзинчэня для него — лучший поводок.

Системе становилось всё тревожнее:

[У вас нет сердца, но как вы можете так точно просчитывать людей?]

— Только сторонний наблюдатель видит истину. Тебе ли этого не знать?

Ответив Системе, Чэн Муюнь откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Ему нужно было продумать, как окончательно обезвредить Юй Шаонина.

Согласно сюжету, Шаонин был тайно влюблен в Сун Цзинчэня. Но его любовь была странной: он делал всё, чтобы свести Цзинчэня с Цинь Ли. Можно сказать, что их будущий союз держался исключительно на его усилиях. Чэн Муюнь искренне не понимал такой логики.

Муюнь мысленно спросил:

«Система, Юй Шаонин часом не болен? Любить одного, но из кожи вон лезть, чтобы выдать его за другого — это ли не патология?»

[А что бы сделали вы на его месте?]

Муюнь задумался:

— Раскрыл бы Сун Цзинчэню правду о контракте, о «замене», разрушил бы образ Цинь Ли в его глазах и воспользовался бы моментом слабости.

[... Теперь я окончательно понимаю, почему вы застряли в любовном испытании. Вы когда-нибудь слышали о любви, которая умеет отпустить ради счастья другого?]

— Не слышал, — отрезал Муюнь. — По мне, так он просто глупец. А с глупцами легко иметь дело. Спасибо за подсказку.

[Постойте! Какую еще подсказку?!]

Чэн Муюнь мысленно отмахнулся:

«Тише. Смотри и учись»

Он больше не вступал в диалог ни с Системой, ни с Цинь Ли, который то и дело поглядывал на него в зеркало заднего вида. Опустив глаза, Чэн Муюнь погрузился в работу.

<http://bllate.org/book/15360/1412598>